

З.А. Львова

ПОГРЕБЕНИЯ В МАЛОЙ ПЕРЕЩЕПИНЕ И ВОЗНЕСЕНКЕ И КУВРАТ, КАГАН ВЕЛИКОЙ БУЛГАРИИ ¹

Z.A. Lvova. «Burials in Malaya Pereschepina and Voznesenka and Kuvrat, Kagan of Great Bulgaria»

In the article the author returns to I.Verner's interpretation of the Pereschepina complex of VII c. found in 1912 near Poltava, as a burial of Kuvrat, kagan of Great Bulgaria. The author uses Bulgarian chronicle Gazi-Baradge tarihy which was first published in 1993 and which tells that after the death of Kuvrat and collapse of Great Bulgaria Khazars had no domination in the area near the river Dnieper.

In this connection the author proposes to reconsider the interpretation of the monuments of the Pereschepina type which were considered to belong to Khazar rulers of Turk parentage. At the same time the author puts a question about connection with the burial of Kuvrat not of one but of two monuments of the Pereschepina circle — Pereschepina and Voznesensky.

В монографии 1984 года И.Вернера «Der Grabfund von Malaja Pereščepina und Kuvrat, Kagan der Bulgaren» была впервые высказана версия об интерпретации найденного в 1912 г. под Полтавой Перещепинского комплекса (рис. 1) в качестве захоронения кагана Великой Булгарии VII в. Куврата (Werner 1984: 5–45). Профессор И. Вернер обосновал свое предположение, прежде всего, невероятным богатством найденного сокровища, которое в VII в. могло принадлежать только правителю высшего ранга, у степных народов — кагану, и никому другому. Как известно, сокровище содержит множество золотых и серебряных вещей общим весом до 50 кг серебра и 25 кг золота, в том числе и 16 золотых и 19 серебряных сосудов.

О статусе погребенной в Перещепине персоны говорят, в частности, и те регалии, которые можно было получить только от Византии в качестве даров, которые в VII в. получали от нее наиболее сильные предводители степных народов в качестве ее потенциальных союзников.

В известном сообщении патриарха Никифора под 634–640 годами говорится о заключении императором Ираклием и Кувратом мира и союза, которое сопровождалось принятием сана патрикия и богатыми дарами (Патриарх Никифор 1980: 161). При заключении таких союзов предводители кочевников крестились. Однако, патриарх Никифор об этом не сообщает, так как Куврат был крещен ранее, в детстве,

когда пребывал (в качестве почетного заложника?) в Константинополе при императорском дворе (Johannes von Nikion 1978: 230).

И.Вернер выделил среди предметов Перещепинского комплекса те из них, которые могли быть получены Кувратом от Ираклия при заключении мира в 634 — 640-х годах. К ним относятся золотые пряжка и наконечник от патрикианского пояса (1930/ 91, 92), два золотых браслета (1930/ 11, 12), меч с кольцевым навершием в золотой облицовке (1930/1, 135, 136), серебряное блюдо с крестом (w 824), на котором, предположительно, находились золотые византийские легкие солиды, отчеканенные в период правления Ираклия с сыновьями в 637–638 годы, а также золотой перстень с монограммой, которая читается как «ΧΟΒΡΑΤΟΥ ΠΑΤΡΙΚΙΟΥ» w 1053 (Werner 1984: 17–33, 44).

Особый акцент при публикации сокровища был сделан и на облицованном золотыми пластинами погребальном сооружении, зафиксированном Н. Е. Макаренко на месте находки в 1912 году (Макаренко 1912: 208).

Дальнейшей ступенью в изучении и интерпретации Перещепинского комплекса можно считать выход в печать в 1997 году монографии коллектива авторов — В. Н. Залесской, З. А. Львовой, Б. И. Маршака, И. В. Соколовой, Н. А. Фояковой «Сокровища хана Кубрата ². Перещепинский клад» (Залесская и др. 1997).

Значение монографии, прежде всего, в подробном исследовании и публикации всех составляющих находку и сохранившихся вещей.

¹ В тексте будут приняты термины, соответствующие тексту болгарской летописи Гази-Барадж: болгары, болгарский, Великая Булгария. Исключение составляют отсылки к авторам (И.С.Чичурову и др.), употребляющим прежние термины.

² В настоящей статье принято написание «Куврат». Однако, встречающееся в литературе «Кубрат» также правомочно.

Рис. 1. Перещепинский комплекс. Сокровище.

В монографии перечислены все имеющиеся точки зрения на возможный характер и происхождение публикуемого комплекса, и разные авторы придерживаются разного мнения относительно его возможной интерпретации (Залеская и др. 1997: 3, 4, 87–100). Однако, и в монографии, и в ряде вышедших до нее и одновременно с ней работ был сделан определенный сдвиг в развитии версии профессора И.Вернера. Более того, сегодня можно было бы констатировать, что время работает на концепцию И.Вернера даже тогда, когда опровергаются его отдельные частные положения.

Так, авторам удалось установить, что составляющие сокровище богатые наборы вооружения и снаряжения знатного кочевника были сделаны не одним мастером, как считал профессор И.Вернер, а многими (Залеская и др. 1997: 66–84). А это, в свою очередь, позволяет говорить о разном происхождении этих наборов, о разных путях их попадания в сокровище.

Наиболее важным для дальнейшего развития концепции И.Вернера кажется выделение предметов тюрко-согдийского круга и сделанных в византийской мастерской для кочевников.

Так, по некоторым данным можно думать, что предположительно подаренный Куврату Ираклием в 634–640-х годах меч с кольцевым навершием (с процарапанными греческими буквами на обороте рукоятки — Львова, Семенов 1985: 77–87) (рис. 2) был ему вручен не один, а в составе целого набора предметов вооружения и снаряжения, предположительно сделанного в византийской мастерской, изготавливавшей такого рода наборы для знатных

предводителей кочевников. Наборы предназначались для даров и контрибуций. В них входили мечи с кольцевым навершием, пояса, на которых они висели, и пояса с псевдопряжками, ритоны (Львова 1996: 19–33). В той же мастерской было изготовлено и парадное убранство коня из Перещепина (рис. 3–5) (Львова 1995: 104–109).

Давно известно, что такого рода наборы встречаются в богатых аварских погребениях Венгрии VII в., которые считаются могилами каганов Аварского каганата (László 1955; Toth, Horvath, 1992).

Но если их рассматривать как продукцию византийской мастерской, изготавливавшей дары для предводителей кочевников, то находки такого рода наборов в могилах каганов будут свидетельствовать не только об их богатстве, но и о могуществе, и о заинтересованности Византии в сохранении с ними мира.

А это позволяет думать, что в 634–640-х годах Куврат удостоился не только богатых даров императора, но регалий, которыми Византия одаривала таких могущественных соседей, как аварские каганы. Все сказанное подтверждает версию И.Вернера о принадлежности Перещепинского комплекса Куврату и говорит о восприятии этого государя в Византии в качестве персоны высокого ранга и серьезного союзника, и об его собственном стремлении во всем следовать традициям, принятым в ставке аварских каганов, с одним из которых Куврат полностью порвал дипломатические отношения в 634–640-х годах.

Однако, в перещепинском сокровище име-

Рис. 2. Перещепинский комплекс.
Рукоять меча в золотой облицовке с кольцевым
навершием (Инв. № 1930/1)

ется большая группа вещей тюрко-согдийского круга, которая до последнего времени рассматривалась как свидетельство принадлежности этого памятника предположительно завоевавшим Поднепровье еще в VII в. хазарам. Основанием этой версии является то, что правящая верхушка Хазарского каганата принадлежала к тюркскому роду Ашина. Сторонники этой версии согласны с тем, что в комплексе, действительно, имеются вещи кагана Куврата, но считают, что после его смерти ими мог завладеть хазарин — победитель тюркского происхождения.

Хазарская версия происхождения перещепинского сокровища прозвучала и в монографии 1997 г., и в то время для этого были достаточные основания (Залесская и др. 1997: 99, 100).

Однако, в последние годы стали известны данные, исключаящие возможность хазарского господства в Поднепровье в VII в., и соответственно, позволяющие пересмотреть трактовку памятников перещепинского круга и принадлежность имеющихся в них предметов тюрко-

согдийского происхождения.

Эти данные содержатся в болгарской летописи 1229–1246 гг. Гази-Барадж тарихы, входящей в свод 1680 г. Джагфар тарихы, появившийся в печати в 1993 г. (Бахши Иман 1993).

Однако, обстоятельства публикации этого источника не вполне безупречны. Утрата его подлинника вызвала вполне понятное недоверие тюркологов к летописям — в научной литературе они не упоминаются вовсе, за исключением тезисов И.А.Баранова (Баранов 1998: 19–21), из которых автору и стало известно об издании летописи. Общественность Татарстана, напротив, придает своду большое значение. И это не дает права его игнорировать.

Автор занимает в этом вопросе промежуточную позицию, считая, что болгарские летописи, безусловно, заслуживают пристального внимания. Но в связи с утратой их подлинника каждая фраза перевода и тем более пересказа утраченной части перевода (Бахши Иман 1994) должна быть серьезно проанализирована. И в первую очередь это относится к летописи XIII в. Гази-Барадж тарихы, так как именно в ней сохранились описания интересующих нас событий VII в.

Попытки реабилитации некоторых фрагментов летописи путем сопоставления описанных в них событий с данными византийских авторов — патриарха Никифора и Феофана Исповедника — говорят о том, что в опубликованных текстах Гази-Барадж наряду с возможными поздними включениями сохранилось ядро древнего письменного источника. Не вдаваясь в подробный анализ интересующих нас фрагментов летописи (он сделан в четырех еще не опубликованных статьях автора ³), следует вспомнить ее наиболее важные данные о событиях VII в., так как некоторые из них полностью переверачивают наши представления о политической расстановке сил в южных районах Восточной Европы VII в., окончательно снимая существующие недоумения, вызванные неполными сведениями византийских авторов о населении этой территории.

Так, патриарх Никифор и Феофан Исповедник размещают Великую Булгарию у Азовского моря и в Прикубанье (Патриарх Никифор 1980:

³ З.А.Львова. К вопросу об исторической интерпретации Перещепинского комплекса. Рукопись. Послана в 1999 г. в Болгарский ежегодник, г. Харьков.

З.А.Львова. Летопись Гази-Барадж тарихы (1229–1246 гг.). Вопрос о подлинности документа. Рукопись. Отдана в 1999 г. в АСГЭ № 36.

З.А.Львова. Христианизация предводителей кочевников Поднепровья в VII в. и ее характер. Рукопись. Отдана в Сборник статей по докладом конференции МАЭ, посвященной 2000 летию христианства — «Христианство в регионах мира».

З.А.Львова. Летопись Гази-Барадж тарихы (1229–1246 гг.) и ее данные о древних болгарях. Рукопись. Послана в 2000 г. в сборник, посвященный юбилею С.А.Плетневой.

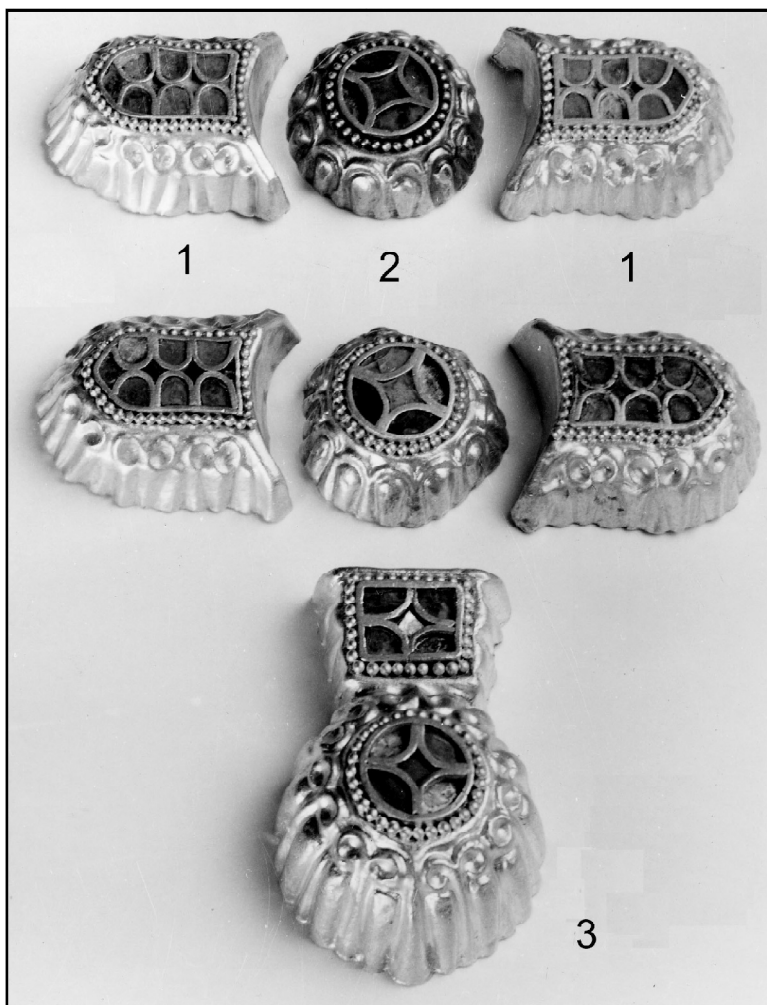

Рис. 3. Перещепинский комплекс.

Бляшки от широкого ремня задней сбруи и свисавший с него декоративный наконечник ремня. Лицевая сторона. Композиция из шести бляшек и наконечника повторялась по семь раз с каждой стороны задней сбруи.

1 — Инв. № 1930/143; 2 — Инв. №№ 1930/139, 140; 3 — Инв. № 1930/146.

162; Феофан Исповедник 1980: 60, 61; Чичуров 1976: 65–85; Залеская и др 1997: 142). Но это противоречит сообщению патриарха Никифора 634–640-х годов о грубом расторжении Кувратом союза с аvaraми (Патриарх Никифор 1980: 161) в силу отдаленности Приазовья и Прикубанья от Аварского Каганата. Последнее обстоятельство вызвало сомнение профессора М.И.Артамонова в достоверности сведений Никифора о событии 634–640 гг. М.И.Артамонову казалась более правдоподобным зависимость Куврата не от авар, как сообщает Никифор, а от тюркотов (Артамонов 1962: 161). Л.Н. Гумилев по той же причине отождествляет дядю Куврата Органу с одним из удельных ханов Западного Тюркского каганата — Моходу-Хэу (Гумилев 1967: 202). Территорию Поднепровья, где жили Западные булгары-кутригуры, М.И.Артамонов также включает в состав державы Куврата, однако, считает, что эти земли не принадлежали его роду изначально, а были присоединены Кувратом позднее (Артамонов 1962: 160).

Данные летописи Гази-Барадж снимают эти противоречия, размещая кочевья Куврата и его предков («землю предков») в непосредственной близости от авар, по Днепру. А завоеванные Кувратом земли не к западу, как было при-

нято считать до сих пор, а к востоку от них (Бахши Иман 1993: 17).

Публикация летописи Гази-Барадж полностью перечеркнула и прежнюю трактовку Перещепинского сокровища автором данной статьи, считавшего ранее, что оно принадлежало не правившему в Приазовье и в Прикубанье кагану Великой Булгарии Куврату, а другому лицу — Куврату, племяннику Органы, государю уннугнуров и другу Ираклия, не считая возможным его отождествление с Кувратом Великой Булгарии (Львова 1996: 29, 30).

Подтверждая, что известные византийским авторам и Иоанну Никиусскому государь уннугнуров племянник Органы Куврат и одноименный правитель Великой Булгарии, основные владения которой — «земля предков» — располагались в Поднепровье — одно и то же историческое лицо (Бахши Иман 1993: 17, 18 и др), летопись косвенно подтверждает и версию И.Вернера о принадлежности кагану Великой Булгарии Куврату найденного под Полтавой Перещепинского сокровища.

Более того, летопись Гази-Барадж является единственным письменным источником, называющим Куврата каганом (Бахши Иман 1993: 18) и тем самым подтверждающим исто-

Рис. 4. Перещепинский комплекс.

Бляшки от широкого ремня задней сбруи и свисавший с него декоративный наколочник ремня. Обратная сторона.

Восковое заполнение внутри бляшек и скобы полностью утрачены. В некоторых бляшках сохранилась бронзовая основа (см. № 1 две бляшки справа).
1 — Инв. № 1930/143;
2 — Инв. №№ 1930/139, 140; 3 — Инв. № 1930/146.

рическую интуицию профессора И.Вернера, считавшего его таковым.

Согласно данным летописи, Куврат родился в 600 году, став болгарским балтаваром в 620 году (Бахши Иман 1993: 17), после крещения в 619 г. в городе Кряшене (или в Византии, по патриарху Никифору — Патриарх Никифор 1980: 159) его дяди и предшественника Бу-Юргана (Органы) и его последующего свержения с трона недовольной его подчеркнутой провизантийской политикой знатью⁴ (Бахши Иман 1994: 16). В 629–630-х годах Куврат провозглашает себя каганом и присоединяет к своим владениям часть земель распавшегося Западного Тюркского каганата, в 660 году умира-

ет, прожив шестьдесят лет (Бахши Иман 1993: 17, 18).

Данные летописи Гази-Барадж о расположении кочевий кагана Великой Булгарии Куврата из тюркской династии Дуло и его сына Бат-Бояна в Поднепровье⁵, а также свидетельства Гази-Барадж о достаточной большой независимости от хазар и их данника Бат-Бояна (который умер в 690 г.) и его потомков — Бат-Тимера, Сулаби (умер в 727 г.), Авара и других, свидетельства о полном отсутствии в Поднепровье в конце VII — начале VIII в. каких-либо представителей хазар позволяют полностью отказать от версии о господстве хазар в Поднепровье в этот период. А это, в свою очередь,

⁴ О крещении Бу-Юргана сообщается не в переводе летописи (Бахши Иман 1993), а в статьях и заметках последнего владельца одного из текстов летописи Ф.Г.-Х.Нурутдинова, написанных на основе утраченной в начале 80-х годов прошедшего столетия части свода (Бахши Иман 1994: 16). Тираж этого издания 350 экз.

⁵ В связи с тем, что Прикубанье и Приазовье по летописи оказываются включенными в державу Куврата вторично, приобретает особый смысл предположение Чичурова о том, что выражение «Великая Болгария» средневековых авторов должно было означать расширенную, увеличенную территорию Болгарии и в некоторых случаях употребляться по отношению к землям, которые были присоединены к прародине позднее (Чичуров 1980: 110, прим. 264). Но если следовать этому предположению, то традиционное размещение современными историками «земли предков» в Приазовье и в Прикубанье оказывается ошибочным. Она должна была находиться где-то в другом месте. И если под этим углом пересмотреть сообщения Патриарха Никифора и Феофана Исповедника, то их данные вовсе не означают, что земля предков, которую получил в наследство Бат-Боян, размещалась именно в Приазовье и Прикубанье (Феофан Исповедник 1980: 60, 61; Патриарх Никифор 1980: 162). Однако, до публикации Гази-Барадж уникальная догадка И.С.Чичурова оставалась незамеченной.

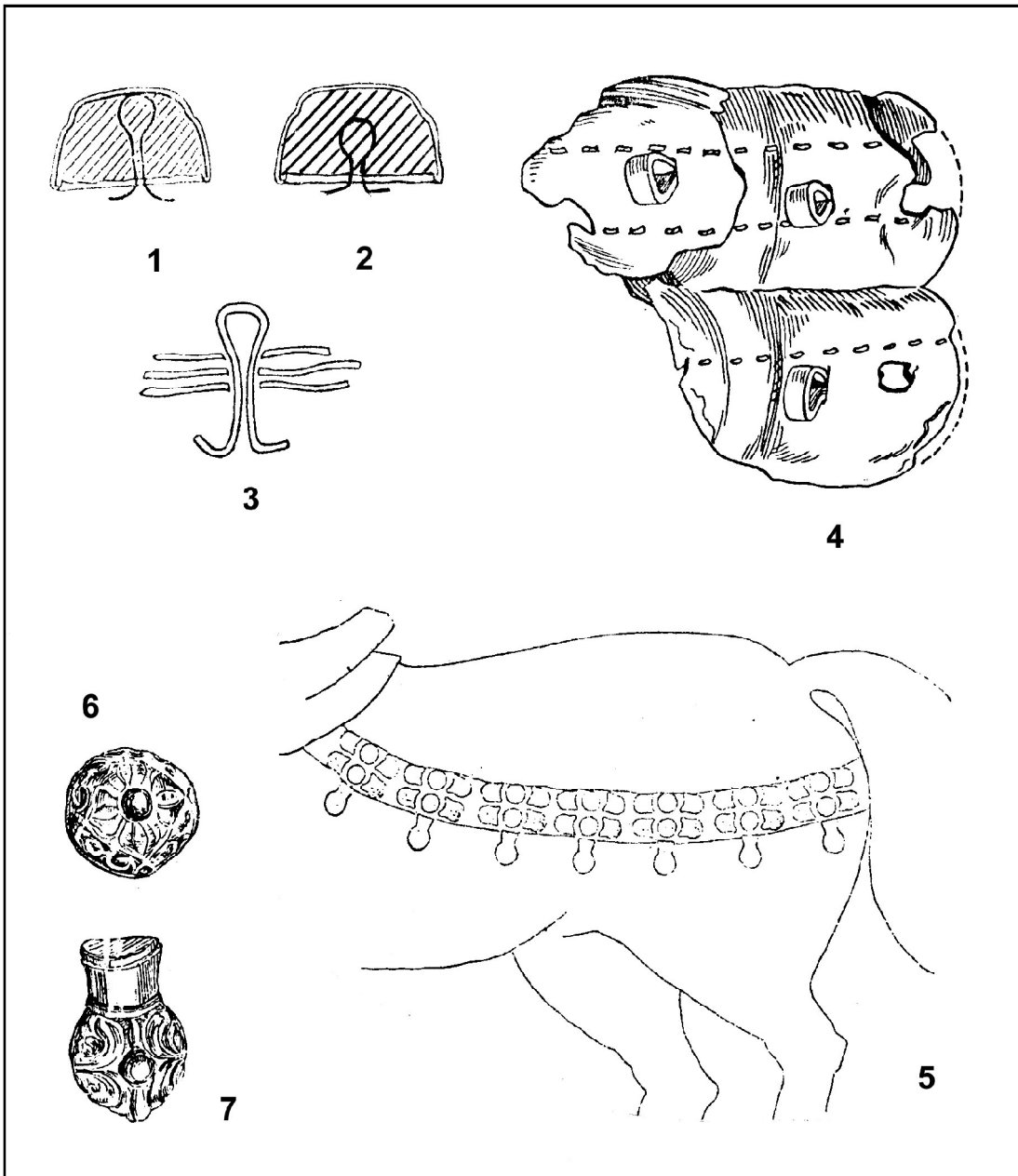

Рис. 5. Перецепинский комплекс.

1, 2 — Схематический разрез двухслойной полусферической бляшки со скобой для крепления на ремне и воскообразным наполнением; 1 — прежняя реконструкция автора; 2 — новая реконструкция автора; 3 — реконструкция расположения скобы на ремне; 4 — обрывок кожи от конской сбруи с отпечатками бляшек и скобами от утраченных бляшек (Инв. № 1930/167); 5 — реконструкция расположения на задней сбруе лошади композиции из шести золотых фигурных и полусферических бляшек и декоративного наконечника. Вознесенский комплекс. Украшения конской сбруи: 6 — бляшка; 7 — декоративный наконечник.

Воспроизведены иллюстрации В. А. Гринченко (Гринченко 1950: табл. III №№ 1, 2).

обязывает к тому, чтобы полностью пересмотреть этническую принадлежность целой группы памятников Поднепровья VII в. — памятников перецепинского круга.

Подробный анализ этой группы памятников М.И.Артамоновым позволил ему увидеть в них ряд особенностей, отличающих их от памятников пастырской (булгарской) культуры

Поднепровья. Эти отличия сводятся к присутствию в памятниках перецепинского круга тюркского следа.

В период господства хазарской версии их происхождения, когда считалось, что после распада Великой Булгарии Поднепровье было полностью порабощено Хазарией, тюркский след в памятниках перецепинского круга объяснялся их при-

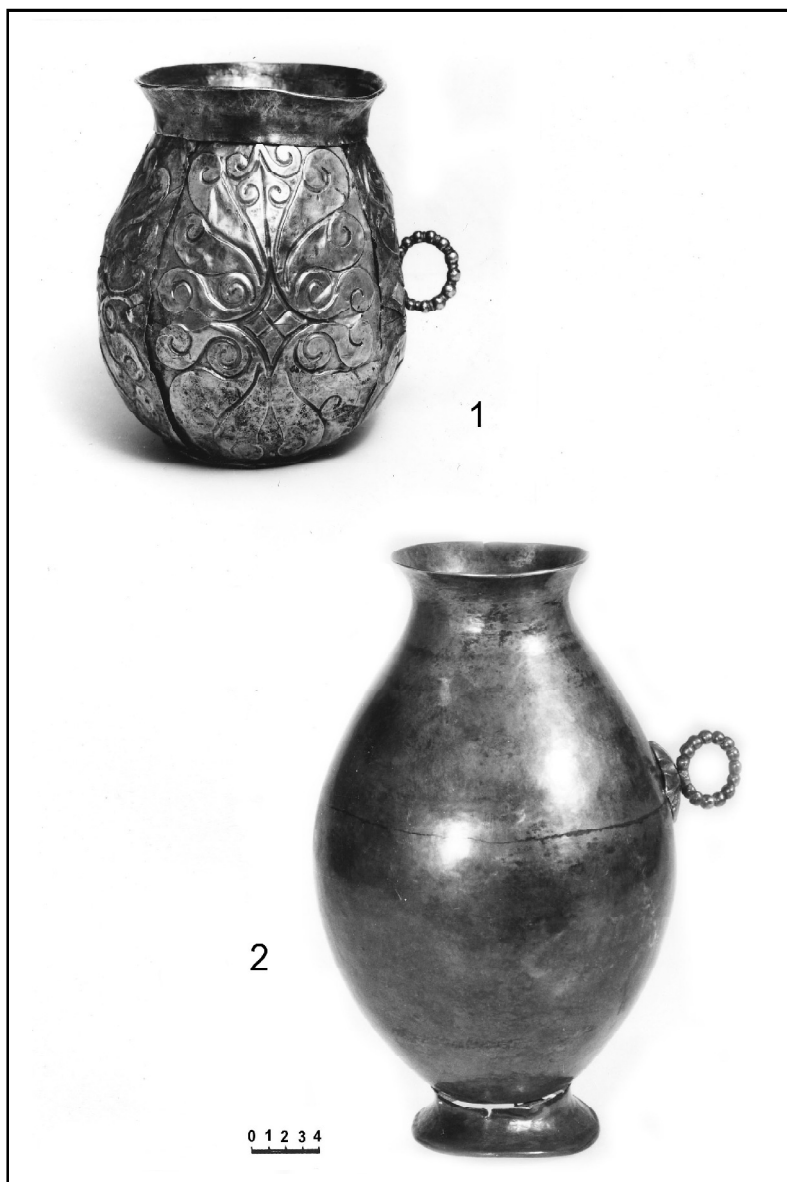

Рис. 6. Перещепинский комплекс.

Сосуды тюрко-согдийского круга.

1 — Золотая облицовка деревянного сосуда предположительно культового. Деревянная основа утрачена. (Инв. №№ 1930/5, 107); 2 — Серебряный сосуд. (Инв. № S 259).

надлежностью к правящей верхушке Хазарского каганата из тюркского рода Ашина (Артамонов 1970 (I): 127, 128; он же 1970 (II): 15–20).

Однако, уже десятилетие спустя после М.И.Артамонова, А.К.Амброз, анализируя материалы Вознесенского комплекса и прослеживая тюркский след в виде предполагаемых поминальных храмов кочевых народов, простирает свои параллели уже не только на восток от Поднепровья, но и на запад — от Монголии до Дуная. И уже не настаивает на конкретной этнической принадлежности этих памятников (Амброз 1982: 214).

Летопись Гази-Барадж позволяет пойти в этом направлении еще дальше и предположить, что тюркский след в Поднепровье в памятниках перещепинского круга был связан с господством Великой Булгарии, правящую верхушку которой составляла другая тюркская династия Дуло. О принадлежности к этой династии кагана Куврата говорит и Именник бол-

гарских царей (Попов 1866: 26).

Соответственно и предметы тюрко-согдийского круга из Перещепинского комплекса заслуживают особого внимания, и их интерпретацию надо пересмотреть. Более того, заслуживают внимания и некоторые другие памятники перещепинского типа. На их новой интерпретации и на их возможной связи с Перещепинским комплексом также следует остановиться.

В монографии 1997 г. «Сокровища хана Кубрата» предметы тюрко-согдийского круга были опубликованы Б.И.Маршаком, который делит их на несколько групп.

Наибольший интерес представляют золотые тисненые пластины, использовавшиеся в качестве облицовки разных предметов. Прежде всего это деревянный сосуди́к с золотыми обкладками (рис. 6: 1) и колчан (рис. 7). Облицовка этих вещей была прочно скреплена с утраченной когда-то основой гвоздиками. Не ис-

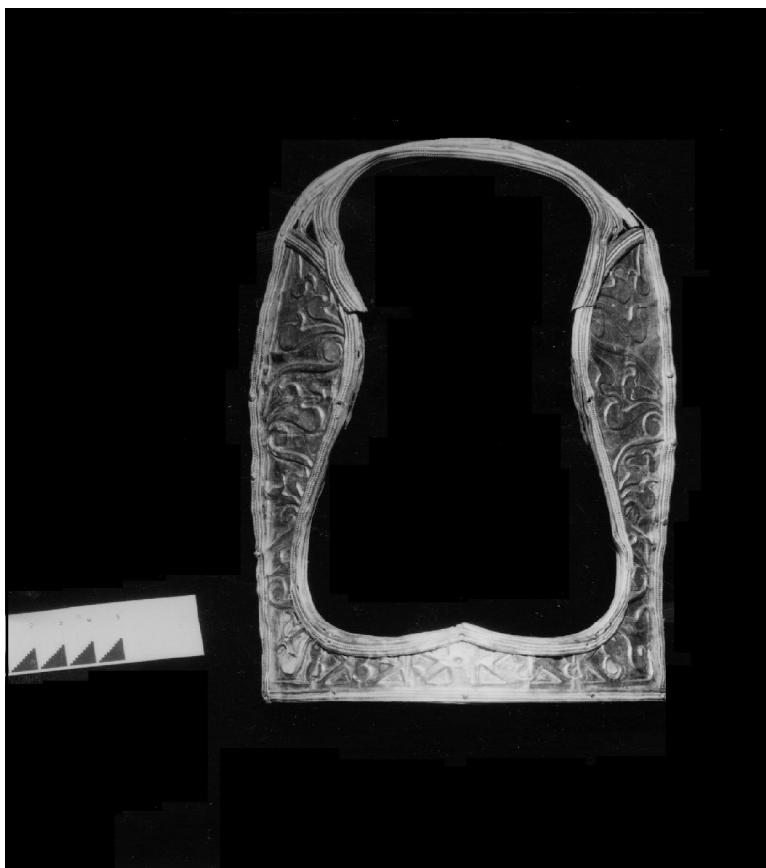

Рис. 7. Перещепинский комплекс.
Золотая облицовка колчана
(Инв. № 1930/95, 115).

ключено, что сосудик мог быть ритуальным. Иначе трудно объяснить его присутствие в ставке его владельца наряду с кувшинами из серебра и золота, превосходящими его по красоте и богатству (рис. 6: 2).

В отличие от колчана и сосуда, предполагаемая облицовка луки седла в виде двух дуговидных пластин и двух пластин в виде львов (рис. 8: 1, 2) не имеет ни гвоздиков, ни следов какого-либо клеящего состава. Однако Б.И.Маршак считает, что дуговидные пластины могли крепиться на роговой или деревянной основе посредством загибания закраин (Залесская и др. 1997: 193–199, 209–213; к. №№ 70, 87–93).

Фигурки львов реконструируются по-разному. А.И.Семенов вслед за А.А.Бобринским считает их двумя сторонами одной и той же фигурки льва. Б.И.Маршак вслед за Д.Ласло трактует их как две симметричные фигурки, украшавшие луку седла (Залесская и др. 1997: к № 189: 212). Последняя реконструкция кажется более вероятной, если вспомнить о находках парных фигур львов в курганах тюрок юго-восточной Тувы (курган № 1 Сарыч-Булинского могильника), где эти фигуры-скульптуры предположительно стояли друг против друга (Кызласов 1979: 129, 130).

Следует также вспомнить еще один набор, состоящий из четырех золотых бляшек от пояса с аметистовыми и гранатовыми вставками (1930/51–54) (рис. 9: 3), фрагмента меча, который на нем висел (1930/2) (рис. 9: 1), и пяти

золотых накладок с аметистовыми и из горного хрусталя вставками (1930/55–58, 62) (рис. 9: 2) от облицовки портупей этого меча, а возможно, и от щита, как предполагает Б.И.Маршак (Львова 1994: 257–265, рис. 1, №№ 1, 2, 4; Залесская и др. 1997: к №№ 55–58, с. 172–179). Все эти вещи объединяет единый набор, сделанный в одной и той же технике, орнамент из плоских золотых кружков, а накладки — аметистовые вставки кабошон в гнездах одинаковой конструкции («разрезной нахлест»).

Самым интересным предметом набора в аспекте данной работы можно считать фрагмент меча с облицованной золотом съемной рукоятью. Облицовка состоит из орнамента, составленного инкрустацией золота по железу — «насечкой», обведенного бордюром из золотых кружков. Орнаментация насечкой сближает меч с изделиями тюркского круга (Кисилев 1951: 519–525; Распопова 1980: 97), а изображения мечей с подобным перещепинскому по форме перекрестью рукояти есть на серебряных сасанидских сосудах IV–VIII вв. и на росписях Пенджикента и Афрасиаба третьей четверти VII в. (Залесская и др. 1997: 172–174, к № 55).

Именно этот фрагмент меча отличается от других образцов перещепинского холодного оружия одной особенностью. Если его повесить, как принято, на левом боку лицевой стороной наружу, меч будет расположен в ножнах лезвием вверх. И, соответственно, если вых-

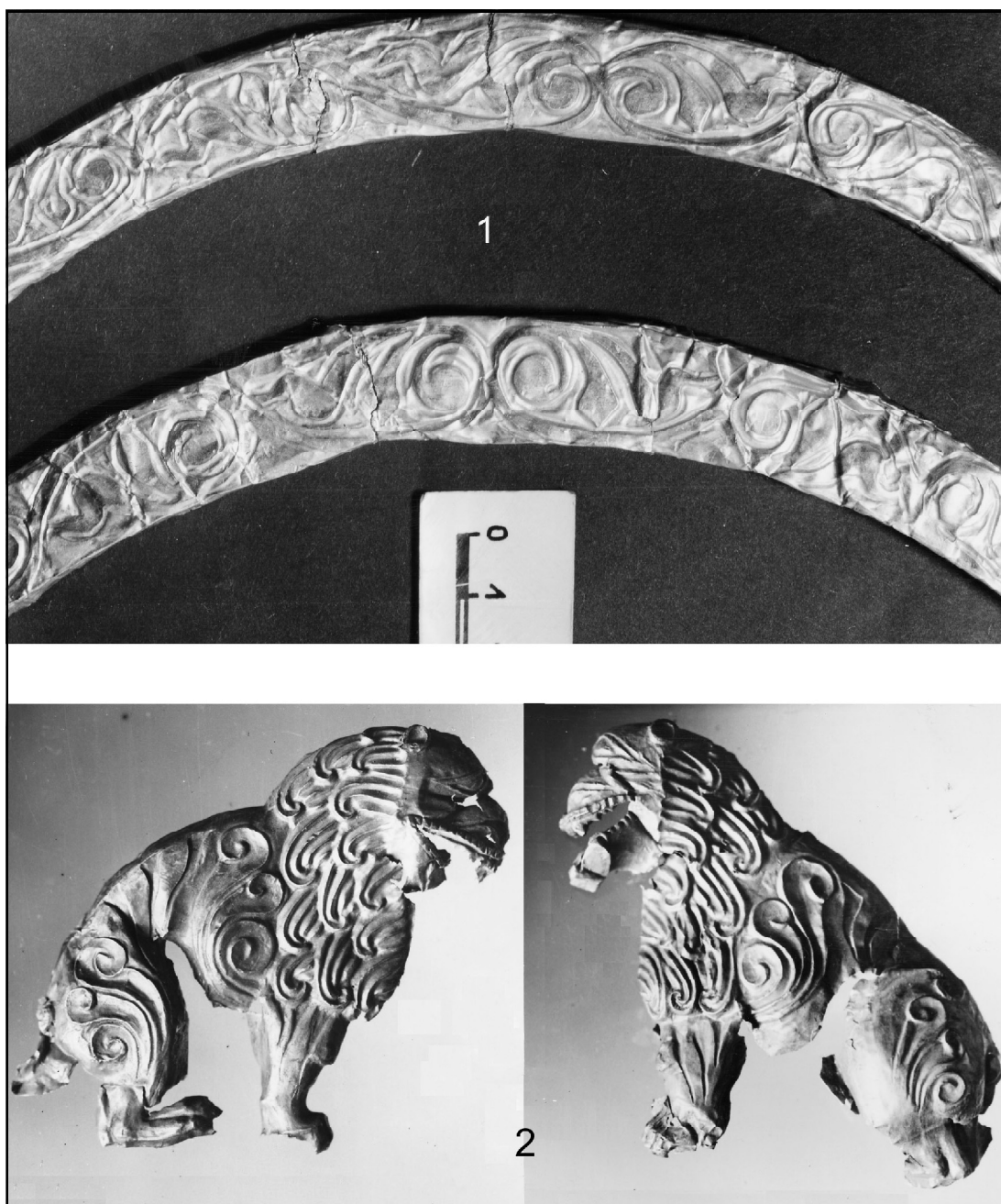

Рис. 8. Перещепинский комплекс.

Предполагаемая золотая облицовка дуги седла.

1 — Две дугообразные пластины, средняя часть, лицевая сторона. (Инв. № 1930/97 а, б); 2 — Две фигуры львов. Лицевая сторона. (Инв. № 1930/73 а, б).

ватить такой меч правой рукой из ножен, удар будет нанесен не лезвием, а тупьем. Значит, он должен был висеть не с левой, как обычно, а с правой стороны и, по первоначальной версии автора, предназначаться для левши (Львова 1994: 258, рис. 1, № 5а, 5б).

Однако, некоторые другие данные допуска-

ют и иное толкование — у меча могла быть перевернута съемная рукоять, чтобы он казался покойному оружием для левши и не мог быть использован им для нанесения вреда живым⁶.

Аномалия перещепинского меча именно тюркского круга, то, что именно он воспринимался как личное оружие умершего и по какой-

⁶ Меч с такой же аномалией известен из погребения VII в. в Уч-Тепе (Иессен 1965: 173–182). Но, в отличие от Перещепинского комплекса, в Уч-Тепе было труположение, костяк сохранился, и меч лежал у костей левой ноги. Его рукоять и остатки ножен и портупей имеют лицевую и оборотную стороны, по которым видно, что меч и был предназначен для ношения на левом боку. Однако, его клинок был вложен в ножны лезвием к портупее. Но при этом он выглядел снаружи, как обычный меч — лицевые стороны и ножен, и рукояти расположены в одной плоскости

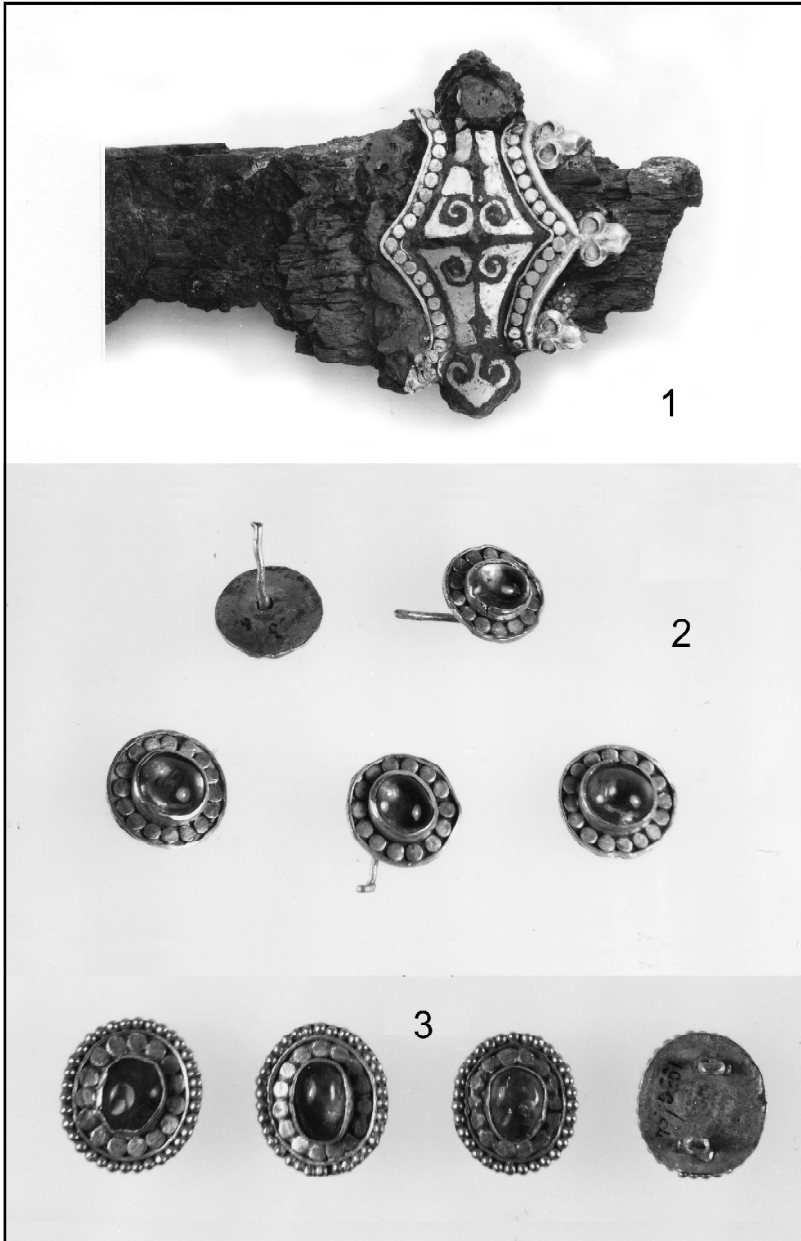

Рис. 9. Перецепинский комплекс.

1 — Фрагмент меча с золотой облицовкой съёмной рукояти. (Инв. № 1930/2); 2 — золотые с аметистовыми и из горного хрусталя вставками накладки от облицовки портупей меча или щита. (Инв. №№ слева направо: первый ряд 1930/62, 55; второй ряд 1930/57, 56, 58); 3 — золотые с гранатовой и аметистовыми вставками бляшки от пояса. (Инв. №№ слева направо 1930/53, 51, 52, 54).

то причине имел вид оружия для левши, говорит об особом к нему отношении. Вероятно, именно он сопровождал умершего в иной мир, в то время как другие образцы холодного оружия присутствовали в погребении только как свидетельство величия и богатства их владельца.

Таким образом, можно предполагать, что покойный каган должен был предстать перед верховным Божеством именно в тюркском облике. Он сидел на коне в седле, обложенном золотыми дуговидными и в виде львов пластинами, был перепоясан поясом, с которого свисал названный меч, был при нем и колчан, а также, вероятно, лук и стрелы, которые не со-

хранились. В руке — деревянная, обложенная золотыми пластинами, кружка со священным напитком. Не исключено, что атрибутом власти, который последовал за каганом в иной мир, был также и реконструированный А.И.Семеновым (Семенов 1991: 1012), деревянный посох или жезл в золотой облицовке (рис. 10). О такой возможности говорят данные об его возможном подновлении перед похоронами его владельца (Львова 1993: 113, 114).

Однако, аналогии этой регалии ни в аварских, ни в тюркских памятниках автору неизвестны.

Остальные предметы тюрко-согдийского круга — в том числе и золотая пряжка 1930/93 и части

(Иссен 1965: 173, 176, рис. 25, рис. 26 № 1). И это позволяет согласиться с Семеновым в том, что в подобных ситуациях мечи вкладывались лезвием к портупее, чтобы обезвредить покойного (Семенов 1987: 64, 65). Но одновременно с этим были перевернуты лицевой стороной наружу и съёмные части их рукоятей — облицовка рукояти учтепинского меча и перекрестье перецепинского.

Рис. 10. Перещепинский комплекс.
Золотая облицовка посоха — набалдашника с частью древка. (Инв. № 1930/120, 121, 130 часть).

золотой облицовки оружия 1930/64, 66 а, б —71, 171 (Залеская и др. 1997: 205–211; к № 81–84, 86) по всей вероятности не имели непосредственного отношения к облачению умершего.

Богатая посуда — кружки, кувшины с ручками из шариков тюркского типа — золотая (z526) и две серебряные (s259 и 260), золотые (z529–539) и серебряные (s261–270), кубки (Залеская и др. 1997: 192, 193, 199–205; к № 69, 71–80), также, как и сосуды византийского и иранского происхождения и, вероятно, другая, не сохранившаяся утварь использовались на торжественных приемах.

Можно думать, что в ставке кагана Великой Булгарии приемы иностранных послов обставались не менее пышно, чем у тюрков.

Описание приема византийских послов тюркским каганом есть у Менандра, который упоминает и облицованные золотом и шелком парадные юрты, их столбы и ложе для кагана, и золотые сосуды и скульптуру (Менандр 1860: 378, 379).

На первый взгляд, среди предметов Перещепинского комплекса, кроме золотых и серебряных сосудов, ничего не говорит о возможнос-

ти такой роскоши в ставке его владельца.

Но о ней можно догадываться, исследуя остатки золотой облицовки предполагаемого погребального устройства в виде золотых ромбовидных пластин с длиной сторон от 6,8 до 7,2 см (рис. 11: 1, 2). Пластины сохранились в количестве 230, но в момент раскопок их было больше (Залеская и др. 1997: 221–225; к № 99).

Неоднородность пластин по толщине и пробе золота позволяет предположить, что какая-то их часть могла использоваться при жизни кагана, возможно, для украшения его парадных покоев. А сохранившиеся на оборотной стороне шляпок железных гвоздей, крепивших на дереве золотую облицовку, отпечатки ткани свидетельствуют об использовании для украшения погребального устройства также и ткани (Львова 1993: 112; Залеская и др. 1997: 222).

Руководитель и участник раскопок Перещепинского комплекса Н.Е.Макаренко говорит и о характере этой ткани — она была шелковой и протканной золотыми нитями (Макаренко 1912: 208). Две кучки обрывков золотых нитей от парчи упоминаются и среди нескольких предметов перещепинской находки, переданных в Полтаву (Семенов 1986: 94).

Использование для убранства погребального устройства шелковых протканых золотом тканей не исключает, что она, также как и золотые облицовочные пластины, могла первоначально украшать парадные покои.

Таким образом, присутствие в Перещепинском комплексе предметов тюркского круга, по мнению автора, можно рассматривать как один из доводов в пользу принадлежности этого памятника кагану Великой Булгарии Куврату из тюркского рода Дуло. То же самое можно сказать и о слособе его предполагаемого погребения.

Относительно способа захоронения в дюнах у села Малая Перещепина кагана Куврата авторами монографии 1997 г. была высказана версия об его возможном сожжении на стороне, при котором в саркофаг с сокровищами была всыпана часть золы и пережеженных костей (Львова 1995: 104–112; Залеская и др. 1997: 108, 109). И в этом предполагаемом обряде также видится тюркский след, поскольку знатных тюрков и тюркских каганов вплоть до первой трети VII в. хоронили посредством сожжения (Бичурин 1991: 242, 267).

Однако, тайное захоронение в дюнах предполагаемых сожженных останков Куврата с принадлежавшими ему сокровищами исключало возможность массовых посещений этого места народом. А это предполагает существование какого-то другого места почитания умершего. Скорее всего, оно должно было чем-то напоминать тюркские поминальные храмы — огрядки (Кызласов 1979: 121–140), хотя вряд ли можно думать, что тюрки из рода Дуло Поднепровья могли в точности воспроизводить обряды и обычаи тюрков Алтая и Тувы.

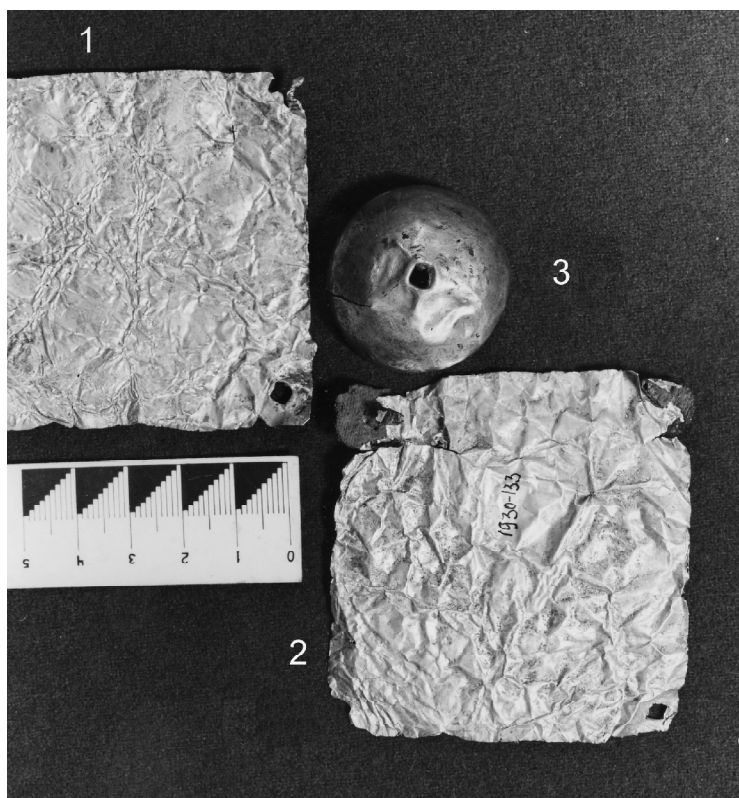

Рис. 11. Перещепинский комплекс. 1,2 — Части золотой облицовки предполагаемого погребального устройства с оборотной стороны. Сохранились квадратные отверстия, пробитые железными гвоздями с четырёхгранной ножкой, и шляпки от гвоздей с отпечатками ткани. (Инв. №№ 1930/133, 134); 3 — золотая облицовка посоха — верхняя часть набалдашника, прибивавшаяся к основе гвоздём с четырёхгранной ножкой. (Инв. № 1930/121).

Не исключено, что в отличие от традиционных тюркских поминальных храмов место массового поминовения кагана Великой Булгарии было связано с местом его сожжения. И надо думать, что оно находилось в большом отдалении от тайного сокрытия его сокровищ. Кроме того, судя по богатству кагана, место его массового поминовения и поклонения должно было быть грандиозным.

В свете всего сказанного можно было бы предположить, что ритуальное сожжение останков Куврата и его последующие поминовения могли происходить на месте известного Вознесенского комплекса в Запорожье.

Первоначально Вознесенский комплекс считался местом коллективного захоронения погибшего в неудачном сражении отряда воинов, а занимаемая им достаточно большая площадь (вместе с валами 82x51 м), воспринималась как военный лагерь (Гринченко 1950: 37–39, 61, 62; Сміленко 1969: 166, 167).

А.К.Амброз убедительно опроверг эту версию и выдвинул новую, согласно которой территория, занятая Вознесенским памятником, являлась культовым местом наподобие тюркских поминальных храмов (Амброз 1982: 209–220). Тот факт, что она была ограждена не каменной стеной, как подобает военной крепости, а валом из каменной щебенки с землей, является одним из веских аргументов в пользу новой версии. Говорит об этом и использование для возведения вала щебенки из привозного гранита и известняка, и сравнительно небольшая концентрация находок, свидетельствующая о не-

заселенности территории комплекса. В то же время его огромные размеры и трудоемкость возведения вала говорят о назначении огороженной им площади для приема достаточно большого количества людей в течение долгого времени. И все эти и другие приводимые А.К.Амброзом доводы свидетельствуют в пользу его версии об использовании Вознесенского комплекса в качестве ритуального места, где происходили поминовения умершего знатного лица.

В этом отношении особенно убедительна трактовка А.К.Амброзом двух расположенных на территории комплекса ям. В одной из них (яма № 1) дружинники умершего оставили в качестве поминальной жертвы части своего воинского снаряжения. Слоистое заполнение другой ямы (яма № 2) и многочисленные остатки конских костей на близлежащей к ней территории комплекса свидетельствуют о последующих многократных поминовениях умершего знатного лица приезжавшими на священное место людьми (Амброз 1982: 42–57).

Тюркские поминальные храмы, с которыми А.К.Амброз сравнивает Вознесенский комплекс, он датирует концом VII–VIII вв. (Амброз 1982: 214–220). Л.Р.Кызласов относит их к более широкому периоду — VI–VIII вв. (Кызласов 1979: 121–143).

Данные последних лет позволяют несколько конкретизировать построение А. К. Амброза, связав комплекс у с. Вознесенки с предполагаемым захоронением в дюнах под Полтавой кагана Великой Булгарии Куврата. Но это предполагает присутствие или на площади по-

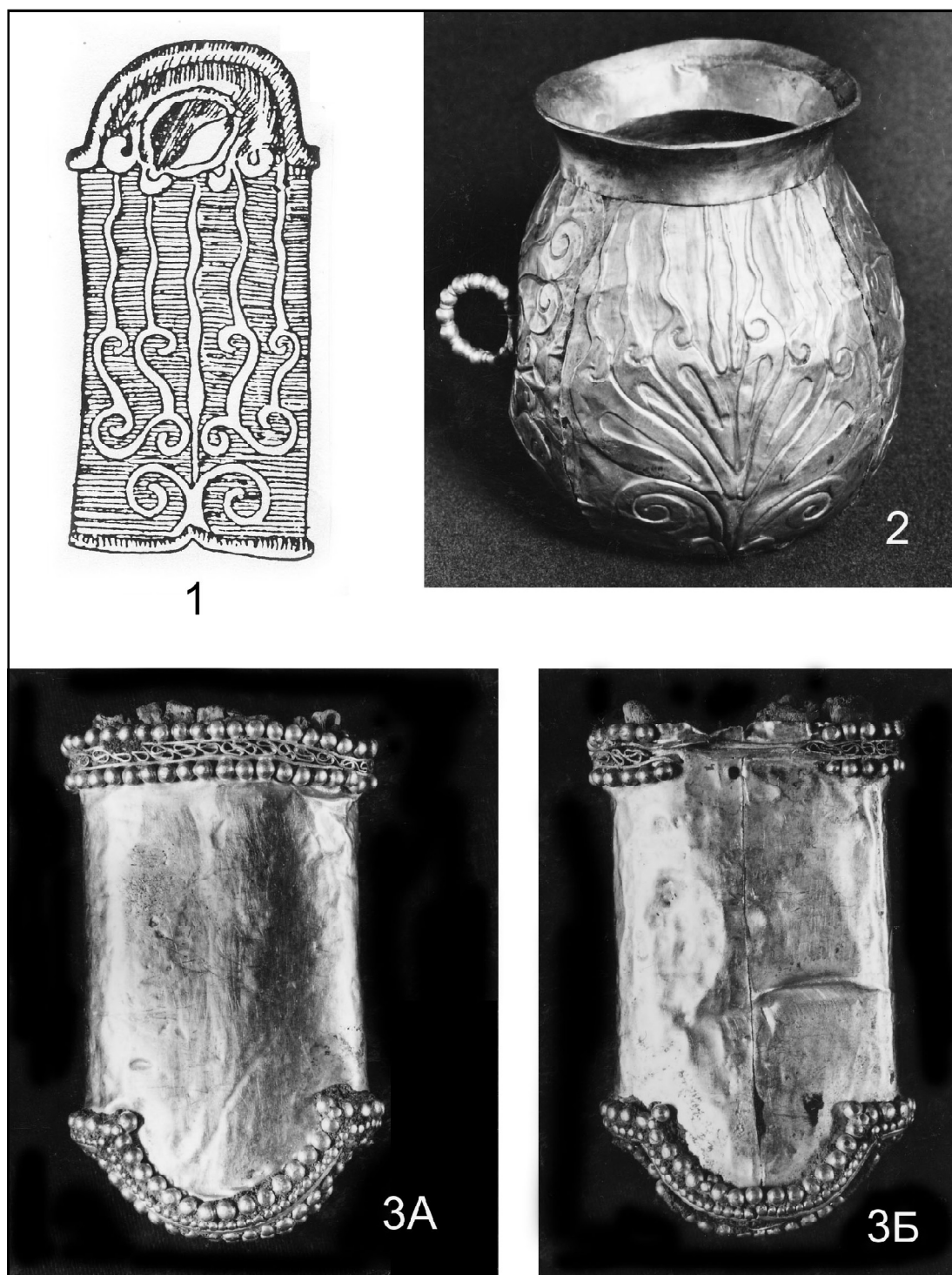

Рис. 12.

1 — Наконечник ножен меча из Вознесенского комплекса в перевернутом виде. Воспроизведена увеличенная иллюстрация В.А.Гринченко (Гринченко 1950: табл. IV № 9); 2 — золотая облицовка деревянного сосуда (дерево утрачено) из Перещепинского комплекса (инв. № 1930/5, 107). На одной из пластин изображение «Неопалимой Купины»; 3 — наконечник ножен меча с золотой облицовкой как у оружия из Глодос: пластина обёрнута вокруг основы до стыка концов на обороте. Перещепинский комплекс (инв. № 1930/3); а — лицевая сторона; б — оборотная сторона.

минального храма у Вознесенки, или где-то в непосредственной близости от него погребального костра, наличие которого А.К.Амброз полностью отвергает. Косвенным свидетельством того, что поблизости от Вознесенки должен был находиться погребальный костер, можно считать попорченные огнем золотые и серебряные вещи из жертвенной ямы № 1, а также находившиеся в ней пепел и угольки. По-видимому, перед возложением жертвенных вещей в яму они находились поблизости от огня, предположительно — погребального костра, который и оставил на них свой след.

Состоящая из двух пластин полая золотая облицовка рукояти сабли и остатки рукояти сабли такой же формы из ямы № 1, согласно В.А.Гринченко были заполнены углем и пеплом от сгоревшей части рукояти (Гринченко 1950: 49, 50, табл. IV, рис. 10). Внутри золотого наконечника в форме цилиндра с кольцом и девяти колоколовидных предметов из серебра из той же ямы также оказался уголь от сгоревшего деревянного заполнения (Гринченко 1950: 52, 53, 56, табл. V, рис. 1, табл. VI, рис. 5, 7). Попорчены огнем были и пять золотых накладок на ремень, массивная золотая пряжка и восемь четырехгранных наконечников (Гринченко 1950: 50, 52, табл. V, рис. 9). Сильно попорчены огнем были конической формы серебряная «дудочка» (Гринченко 1950: 56, табл. VI, рис. 8), прямоугольная пластинка с изображением львицы (Гринченко 1950: 54, табл. VI, № 1), а также серебряная фигура льва, от которой сохранились только голова, шея, часть передних ног и передняя часть туловища. Его задняя часть и ноги растопились и в виде глыбки прикипели к голове (Гринченко 1950: 48, рис. 6). Растоплена огнем была и вещь, первоначально имевшая форму полусферы с петлей на обороте и с кольцами. Был зафиксирован и обрывок фольги с приставшей к нему землей и углем и другие попорченные огнем предметы (Гринченко 1950: 56). В то же время в слое между бляшками, особенно с западной стороны ямы, встречались небольшие кусочки угля и пепел, иногда заполнявший полости вещей. Известная серебряная фигурка орла с монограммой была немного попорчена огнем, а ее глаза и ноздри к моменту находки были заполнены пеплом (Гринченко 1950: 45, рис. 5). Сильно поврежденными огнем оказались и три золотые наконечника от ножен сабель. Однако, вряд ли можно согласиться с утверждением, что отсутствующие в их гнездах каменные вставки растопились огнем (Гринченко 1950: 49, табл. VI, рис. 6, 9). От огня могли бы растопиться стеклянные сосуды наподобие перещепинских кубков (Залеская и др. 1997: 240, 241, к № 126), превратившись в «сплав стекловидной массы с вкраплениями золотой зерни» (Гринченко 1950: 54).

Правдоподобной кажется и возможность выплавления воскового заполнения из бляшек

конской сбруи. В самом нижнем слое ямы № 1 было найдено около 1400 золотых и серебряных штампованных бляшек разных форм, предназначенных для украшения одежды, ремня и лошадиной сбруи (Гринченко 1950: 42, 45, табл. III). Последние представляют особый интерес, так как по очертаниям (ср. рис. 5: 6, 7 и рис. 3: 2, 3) и по конструкции аналогичны перещепинским.

Как и перещепинские, бляшки конской сбруи из Вознесенки состояли из бронзовой основы и верхней золотой или серебряной тисненой пластины, края которой загибались внутри. Крепление на ремне производилось «шпонами», или скобами. Они находились внутри бляшек и были прикреплены к их бронзовой внутренней поверхности. Выступающие наружу концы скоб продавливались в отверстие на ремне и разводились в стороны (Гринченко 1950: 45, табл. III, №№1, 2).

По материалам Перещепина также известно, что для большей прочности внутренняя полость бляшек со скобами заливалась воском (Львова 1995: рис. 5: 4) (рис. 5: 1, 3, 4). Однако, за исключением одного случайно сохранившегося воскового заполнения с застрявшими в нем скобами (Львова 1995: рис. 1: 5) и его остатков в некоторой части других бляшек восковое заполнение и утопленные в нем скобы в большей части перещепинских бляшек не сохранились (Львова 1995: 105, рис. 1: 5, рис. 5: 1, 2, 4; Залеская и др. 1997: 165, 303, кат. №№ 50, 51, 52) (рис. 4: 1, 2). Обстоятельства находки в селе М. Перещепине позволяли думать, что восковое заполнение бляшек было изъято находчиками для очистки золота от прочего материала. Однако, в бляшках из Вознесенки ни воска, ни скоб тоже не было, все скобы находились отдельно от бляшек — В. А. Гринченко их насчитывает около ста (Гринченко 1950: 45). А это позволяет предположить, что воск из вознесенских и перещепинских бляшек вытопился при одинаковых обстоятельствах, возможно, от жары погребального костра, вблизи которого они находились. Об этой возможности говорит и то, что часть вознесенских бляшек была так попорчена огнем, что их форму было трудно различить, а в слое между бляшками, особенно с западной стороны, встречались небольшие кусочки угля и пепел (Гринченко 1950: 45).

Следует добавить также, что в свете описаний В.А.Гринченко кажется более вероятным, что при изготовлении большей части и вознесенских, и перещепинских бляшек конской сбруи скоба не приваривалась к металлической основе, как казалось ранее (рис. 5: 1), а просто втапливалась в восковое заполнение (рис. 5: 2). Когда вытопился из бляшек воск, вместе с ним отделились от них и скобы.

Итак, присутствие в яме № 1 побывавших в огне предметов, а также угля и пепла говорит о том, что сложенные в неё вещи какое-то время находились поблизости от кострища, скорее всего, погребального. Не исключено, что оно

могло находиться на месте «великого кострища» на валу Вознесенского комплекса или где-то внутри территории, огражденной этим валом.

Не исключено и главное допущение автора — то, что Вознесенский поминальный комплекс был связан с погребением болгарского предводителя из тюркского рода Дуло, которым мог быть каган Великой Булгарии Куврат.

Таким образом, согласно предлагаемой автором реконструкции, при погребении Куврата его прах был сожжен на территории специально сооруженного поминального храма у Вознесенки в Запорожье или вблизи от него. Приближенными воинами были совершены посвященные ему приношения в виде оружия и военного снаряжения. До того, как вещи были сложены в яму и проткнуты тремя саблями, они, возможно, с частью личных вещей кагана находились поблизости от погребального костра. Одновременно с этим на огражденной валом территории рядом с первой жертвенной ямой было приготовлено место для последующих поминовений умершего. Судя по огромной огражденной валами площади предполагаемого поминального храма у с. Вознесенки, в них должно было участвовать много соплеменников. А одновременно с этим, на севере, у современного села Малая Перещепина у Полтавы, в дюнах в тайне были захоронены останки сожженного кагана в виде пепла и пережженных костей с принадлежавшими ему сокровищами в деревянном облицованном золотом погребальном сооружении.

Согласно предлагаемой реконструкции комплексы у Перещепина и Вознесенки были связаны с одним и тем же событием — с погребением создавшего Великую Булгарию, правившего в ней сорок лет, объявившего себя в 629 г. ее каганом и умершего в 660 году Куврата.

Однако, поиски точных аналогий между вещами этих памятников были бы не уместными. В Перещепине находились вещи кагана в виде почетных регалий, дорогой посуды для парадных приемов, принадлежащих по рангу только ему и членам его семьи украшений, возможно, ритуального набора предметов тюркского происхождения.

В поминальном храме у Вознесенки находились погребальные жертвы умершему составлявших его свиту воинов-тюрков. Поэтому присутствие в этом комплексе всего того, что мы видим в Перещепине, было бы просто невозможным. Но находки среди предметов вооружения и снаряжения воинов тюркских ножей и стремян с насечкой вполне объяснимо (Грінченко 1950: 42, 57, табл. II, рис. 4 табл VI рис. 9). То же можно сказать и о многочисленных частях убранства конской упряжки в виде полусферических бляшек и декоративных наконечников ремней. Судя по описанию В.А.Грінченко их устройства (Грінченко 1950: табл. III, №№ 1, 2; 42, 43 и др.), они могли быть сделаны в той же византийской мастерской, которая обслуживала знатных кочевников и Аварского каганата, и Великой Булгарии и ставку ее кагана

(Львова 1995: 104–113; Львова 1996: 19–33).

Описание и иллюстрации золотой облицовки сабель из Вознесенки (Грінченко 1950: 42, 49, 57; табл. IV, рис. 6, 9, 10) (рис. 12: 1) дает некоторое представление об их конструкции и позволяет предположить, что как и некоторые экземпляры перещепинского оружия (рис. 12: 3 А, Б) и оружия из Глодос они могли быть сделаны на месте, в ставке (Залесская и др. 1997: 159, 300; к № 42).

В.А.Грінченко подчеркивает также, что облицовка оружия из Вознесенки украшена «рельефным тисненым орнаментом». По характеру его изображений он отдаленно напоминает двуплановое рельефное тиснение на вещах тюрко-согдийского круга из Перещепина (Залесская и др. 1997: к №№ 70, 87, 88, 89), о которых Б.И.Маршак говорит, что они были сделаны не для последнего владельца Перещепинского сокровища а, возможно, несколько раньше. По сравнению с ними некоторые изображения на рассматриваемых вознесенских облицовочных пластинах, которые могли изготавливаться на месте в подражание тюркским образцам (Грінченко 1950: табл. IV, рис. 9), Б.И.Маршак квалифицирует как редуцированные (Залесская и др. 1997: 194, 210) (Ср. рис. 12: 1, 2).

Вполне объяснимо и то, что не в Перещепине, а именно в Вознесенке в жертвенной яме № 1 находились предметы, которые и А.Т.Смиленко и А.К.Амброз квалифицируют как трофеи, которые «составляли собственность вождей и попали в могилу с их снаряжением». Это — пластины с изображением львов и фигура орла с монограммой на груди, с оплетающей его ноги змеей, которые могли быть навершиями военных штандартов (Амброз 1982: 208, 210). Один из этих предметов — фигурку орла, Л.А.Мацулевич датирует V в. (Мацулевич 1959: 185–199). Соответственно, в VII в. она была использована вторично. Но в чем-то, возможно, изображение орла с оплетающей его ноги змеей было созвучно некоторым болгарским мифическим представлениям, поэтому фигура орла V в. могла быть почитаемой и в кочевнической среде VII в. В статьях и заметках последнего владельца полного текста свода Бахши Имана Джагфар тарихы Ф. Г.-Х. Нуртудинова, написанных на основе материалов утраченной в начале 80-х годов XX в. части свода (Часть II. «Книга о национальных праздниках болгар») упоминаются имена болгарских духов — алпов, и, в частности, Хурса — сына Мара и Туран, которая часто выступала в облике змеи. Сам Хурса — алп Божьей вести о предстоящей смерти по воле Тангры — доставлял души умерших с земли на небо, принимая вид грифона, орла, беркута и других хищных птиц (Бахши Иман 1994: 61, 62).

Таким образом, в работе предлагается новая версия о возможной связи двух комплексов VII в. — Перещепинского и Вознесенского. Однако, она еще требует всестороннего пересмотра и тщательного обоснования.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Бахши Иман 1993. Джагфар тарихы. Свод болгарских летописей 1680 г. Том I. Издание подготовлено Ф.Г.-Х. Нурутдиновым. Редакция Вестника Болгарии. Оренбург.
- Бахши Иман 1994. Джагфар тарихы. Том II. Статьи и заметки последнего владельца текста Ф.Г.-Х. Нурутдинова, написанные на основе материалов утраченной в начале 80-х годов нашего столетия части свода. Редакция Вестника Болгарии. Оренбург.
- Менандр Византиец 1860. Отрывок // Дестунис С. Византийские историки: Менандра Византийца продолжение истории Агафиевой. СПб.
- Патриарх Никифор 1980. Бrevиарий. Перевод и комментарии И.С.Чичурова // И.С.Чичуров. Византийские исторические сочинения. М.
- Феофан Исповедник 1980. Хронография. Перевод и комментарии И.С.Чичурова // С.Чичуров. Византийские исторические сочинения. М.
- Амброс А.К. 1982. О Вознесенском комплексе VIII в. на Днепре — вопрос интерпретации // Древности эпохи великого переселения народов V–VIII веков. М.
- Артамонов М.И. 1962. История хазар. Л.
- Артамонов М.И. 1970 (I). Славяне и Болгары в Поднепровье. // *Berichte über der II Internationalen Kongreß für Slawische Archäologie*. Band I, Berlin.
- Артамонов М.И. 1970 (II). Болгарские культуры Северного и Западного Причерноморья. // Доклады Географического общества СССР. Вып. 15.
- Баранов И. 1998 г. Великая Болгария и Крым: итоги и проблемы изучения // Международная конференция «Византия и Крым». Севастополь, 6–11 июня 1997 г. Тезисы докладов. Симферополь.
- Бичурин Н.Я. (Иаканф) 1991. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии // Ради вечной памяти. Чебоксары.
- Гринченко В.А. 1950. Пам'ятка VIII ст. коло с. Вознесенки на Запоріжжі // *Археологія*, III. Київ.
- Гумилев Л.Н. 1967. Древние тюрки. М.
- Залеская В.Н., Львова З.А., Маршак Б.И., Соколова И.В., Фонаева Н.А. 1997. Сокровища хана Кубрата. Перещепинский клад. Славия, СПб.
- Иессен А.А. 1965. Раскопки большого кургана в урочище Уч-Тепе // Труды Азербайджанской экспедиции. Т. II (1956–1960 гг.). МИА № 25, М.-Л.
- Киселев С.В. 1951. Древняя история Южной Сибири. М.
- Кызласов Л.Р. 1979. Древняя Тува. М., МГУ.
- Львова З.А., Семенов А.И. 1985. К проверке основной реконструкции перещепинского меча // АСГЭ, 1985, № 26.
- Львова З.А. 1993. Облицовка погребального сооружения из Перещепинского комплекса // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. Выпуск III. Симферополь, Таврия.
- Львова З.А. 1994. Варварская группа вещей из Перещепинского комплекса // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*. Выпуск IV. Симферополь, Таврия.
- Львова З.А. 1995. Перещепинский набор конской упряжи // *Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма*. Симферополь. «Таврия».
- Львова З.А. 1996. Вещи из Перещепино, выполненные в византийской мастерской для кочевников // *Византия и византийские традиции*. Сборник трудов к XIX Международному конгрессу византистов в Копенгагене, 18 — 24 августа 1996 г. СПб. Г. Э.
- Макаренко Н.Е. 1912. Перещепинский клад // ИАК, прибавление к выпуску 46.
- Мацулевич Л.А. 1959. Войсковой знак V в. // *Византийский временник*. Том XVI.
- Попов А. 1866. Эллинский и римский летописец // *Обзор хронографов русской редакции*. Вып. 1, М.
- Распопова В.И. 1980. Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л.
- Семенов А.И. 1986. К реконструкции состава комплексов Перещепинского круга // АСГЭ. Вып. 27.
- Семенов А.И. 1987. К культурной атрибуции раннесредневекового погребения из Уч-Тепе // КСИА № 192, М.
- Семенов А.И. 1991. Византийские инсигнии кочевнических комплексов // XVIII Международный конгресс византистов. Резюме сообщений. II L. Z. M.
- Сміленко А.Т. 1969. Осіле населення степового Подніпров'я в ранне середньовіччя // *Археологія*, XXII.
- Чичуров И.С. 1976. Экскурс Феофана о протоболгарах // *Древнейшие государства на территории СССР*. Материалы и исследования. М.
- Johannes von Nikiou. 1978. // *Beševliev. Zur Chronik des Johannes von Nikiou CXX 46–49*. // *Byzantino-Bulgarica*. Sofia, T. V.
- László D. 1955. *Etudes Archeologiques sur l'histoire de la Société des Avars* // *Archaeologia Hungarica*, S. N/N XXXIV. Budapest.
- Toht E. H., Horvath A. 1992. *Das Grab eines Awarenkhagans. Kecskemet*.
- Werner I. 1984. *Der Grabfund von Malaja Pereščepina und Kuvrat, Kagan der Bulgaren*. Bayerische Akademie der Wissenschaften, philosophisch-historische Klasse: *Abhandlungen*. Neue Folge, Heft 91. München.